

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ И ПОВСЕДНЕВНО БЫТОВОЙ СТАТУС СОЛДАТСКИХ ДЕТЕЙ В XVIII–XIX вв.

© Павел Петрович ЩЕРБИНИН

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой ЮНЕСКО по правам человека и демократии,
e-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Изучению актуальная научная проблема – социально-правовой статус и повседневная жизнь самостоятельной категории представителей военного сословия – солдатских детей. Уточнены правовые аспекты регламентации и учета детей в солдатских семьях, возможности их воспитания и образования, а также социальной адаптации в условиях существования рекрутской повинности.

Выявлены историографические проблемы изучения феномена становления института военных кантонистов, а также гендерные аспекты положения этих детей в семье в период службы отцов в армии или в отставке.

Материалы исследования позволили раскрыть особенности взаимоотношений военных и гражданских сообществ, а также конфликт между властью и обществом, личностью и государством, отягощенный «военным фактором».

Сделаны выводы о роли военных в развитии образовательных и воспитательных практик детей в имперский период Отечественной истории. Уточнен корпус источников по заявленной тематике.

Проведенное исследование выявило эволюцию законодательства и стратификации военного сословия в условиях традиционного российского общества, а также особенности самоидентификации и социальной адаптации, поведения и моделей выживания его представителей: кантонистов, солдаток и солдатских девок.

Ключевые слова: солдатские дети; кантонисты; военное сословие; повседневная жизнь; правовой статус; русская армия.

Солдатские дети являлись особой социально-демографической, сословно-правовой группой населения Российской империи в XVIII – начале XX в. Они обладали собственным статусом, имели уникальные традиции воспитания, образования, взросления и адаптации в военном и гражданском сообществе. Однако, несмотря на эти особенности, солдатские дети долгое время оказывались на «обочине» исторических исследований. Объяснение этому кроется в традициях учета и контроля над солдатским потомством, а также стереотипах и мифах изучения военного сословия.

Так, первые работы по истории солдатских детей были написаны не историками, а отставными офицерами и публицистами, что объясняется позицией военного министерства, контролировавшего и цензурировавшего любые упоминания о повседневности военного сословия [1]. Спустя столетие историко-правовые сюжеты жизни солдатских детей были рассмотрены В.К. Ячменихиным [2].

В зарубежной историографии развитие института военных кантонистов, проблемы материнства и детства в рекрутских и солдатских семьях рассмотрены в исследовани-

ях Е.К. Виртшафтер [3], Д. Рэнсела [4] и Б. Фарсворт [5]. Авторы этих работ указали на социальную проблему незаконнорожденных детей в семьях солдаток, а также особенности отражения этого явления в фольклорных источниках и общественном мнении социального окружения солдатских семей.

Необходимо отметить, что современная историография отражает интерес научного сообщества к изучению повседневной жизни, социальных настроений и социального облика военных в различные исторические эпохи. Вне всякого сомнения, на интенсификацию этого научного и общественного интереса к прошлому русской армии оказало влияние развитие военно-антропологических исследований, основоположницей которых по праву является Е.С. Сеньявская [6].

Но все же среди трудов по военной истории налицо очевидный недостаток исследований по истории повседневности членов солдатских семей. Одной из таких «забытых» категорий военного сословия являются солдатские дети [7, с. 54]. Традиционно историки относили к ним «кантонистов». Однако этот термин является слишком условным и узким, т. к. не охватывает большинство сол-

датских детей, которые были рождены в семьях солдат. Предпринята попытка рассмотреть особенности жизни и быта, изменения правового и социального положения солдатских детей в имперский период Отечественной истории. Такой ракурс темы «дети и армия» ни в нашей, ни в мировой историографии не был предметом специального исследовательского внимания.

Чтобы выявить общие особенности и тенденции развития этого «военного детского социума» в России, необходимо проанализировать правовые и сословно-социальные механизмы регламентации и повседневной адаптации представителей военного сословия. Таким образом, исследование фундаментальной проблемы влияния военного фактора на повседневную жизнь российского общества через призму «детского опыта» позволит выявить индивидуальный и коллективный опыт личности, семьи, поколений и социальных групп, выяснить обстоятельства, конструировавшие конкретно-исторический контекст повседневности солдатских детей в военное и мирное время. Феномен адаптации солдатских детей и выработки ими стратегии выживания в условиях армейских и гражданских структур Российской империи до конца не оценен. Недостаточно изученным остается рассмотрение военного опыта детей с позиций истории повседневности, военно-исторической антропологии и истории частной жизни.

Данная постановка проблемы подразумевает сочетание макро- и микроисторических подходов, использования традиций изучения истории детства, реконструкции социальных и правовых коллизий, индивидуальных и коллективных практик жизни солдатских детей, выявление традиционного и уникального, стереотипного и новаторского в развитии российского общества имперского периода Отечественной истории XVIII – начала XX в.

Среди постановочных проблем необходимо выделить следующие:

1) как изменялась социально-правовая стратификация солдатских детей в контексте отношения к ним центральных и местных властей, общества, социального и семейного окружения;

2) какими были нормы повседневной жизни солдатских детей, а также отклонения от нее под воздействием милитаризма и его проявлений;

3) что позволяет выявить реконструкция гендерных взаимодействий в солдатских семьях, а также воздействие гендерных стереотипов на повседневную жизнь солдатских детей при их учете и социальной поддержке.

Заметим, что военное или «солдатское сословие» представляло собой особую группу населения Российской империи. Формирование этого сословия относится к первой четверти XVIII в. При введении рекрутской повинности было установлено, что вновь призванные рекруты освобождались от крепостной зависимости и переходили в «солдатское сословие», которое включало также солдатских жен и детей. Военная служба для этого сословия являлась наследственной обязанностью, освобождавшей его от платежа всех государственных податей и выполнения казенных повинностей. Представители военного сословия считались принадлежащими военному ведомству. Очевидна была заинтересованность государства в самообновляющемся военном сословии. И не случайно особенно тщательно правительство следило за «потомством» солдатских семейств, рассчитывая на непременно пополнение им российской армии.

Однако при подсчете военного сословия встречались сложности, связанные с запутанностью сословных границ и семейных связей, а также недостатками организации статистического учета. Это приводило к серьезным расхождениям при уточнении перечня лиц, относящихся к военному ведомству. Невозможность знать точно число кантонистов признавало и само военное министерство. Да и местные власти доносили, что отчеты полицейских управлений, статистических комитетов о количестве представителей и представительниц военного сословия часто наполнялись цифрами произвольными, решительно ни на чем не основанными [8, с. 6].

Иногда «пропадали без вести», терялись десятки, сотни, а то и тысячи людей, которым приходилось потом доказывать свою сословную или ведомственную принадлежность. Ошибки и недоучет «военной собственности» обычно выявлялись при очередном рекрутском наборе, когда призыву подлежали те, до кого не дошла очередь или, напротив, от призыва освобождались обязанные служить кантонисты (солдатские дети). В военно-статистических описаниях губерний, проводившихся старшими офицерами Генерального Штаба, также констатирова-

лось, что численность представителей военного сословия, прежде всего солдатских детей, точно определить нельзя «...по недостатку о том положительных сведений» [9, с. 151].

Солдатские жены формально до 1866 г. могли проживать вместе со своими мужьями, в т. ч. и следовать за ними в армию [10, с. 357]. Брачные узы считались святыми, и военные, гражданские и церковные власти не решались запрещать жене быть при муже. Однако фактически все упиралось в реальные возможности солдата содержать жену и детей. По справедливому мнению М.Д. Рабиновича, правительство с начала XVIII в. не стремилось к принятию четких рекомендаций по содержанию жен и детей, призванных в армию рекрут, оставляя их нередко на произвол судьбы [11].

Если воинская часть располагалась на натуральном постое у городских или сельских обывателей, то для женатых солдат полагались дополнительные площади. Так, по законам середины XVIII в., которые сохраняли свою силу вплоть до отмены постоянной повинности во второй половине XIX в., семейства нижних чинов – жены, сыновья до 14 лет и дочери-девицы – должны были помещаться вместе с солдатами в покои и входили с ними в общий расчет (жену считали за одного солдата, трех дочерей также за одного солдата). Заметим, что забота правительства не была связана с пониманием важности совместного проживания супругов, а лишь отражала стремление правительства контролировать солдатское потомство. Не случайно в указах Анны Иоанновны подчеркивалось: «...женам солдатским невозможно неприлично жить в казармах, но от разлучения их с мужьями пропадает много солдатских детей, которые потом могли бы быть обращены в службу». Таким образом, проясняются причины того, что военные власти не возражали против совместного проживания солдат и солдаток в расположении частей. В этот период, по наблюдениям некоторых исследователей, около половины военнотружущих были женатыми и проживали со своими семьями в избах или комнатах, находясь на постое или в солдатских слободах [12].

Если семья солдата жила при нем, то ей, кроме квартирного пособия, должны были выдавать еще денежное и пищевое довольствие: 1) квартирные деньги, если воинская часть не могла предоставить казенного жилья; 2) приварочные деньги на продукты;

3) продовольственный паек из муки и крупы. Если муж уходил со своей частью в поход, то от казны его семье выделялось помещение, в котором могли жить жена и сыновья до 14 лет, а дочери – до замужества. На детей солдат в первой половине XIX в., в зависимости от возраста, полагался добавочный паек – один рубль. После 1860 г. паек был увеличен до одного рубля двадцати семи копеек. Кроме того, указом от 7 апреля 1857 г. добавили денег на содержание детей солдат. Так, детям до семи лет полагалось по три рубля пятьдесят копеек, а от семи до одиннадцати – семь рублей в год [13, с. 37].

Очень часто, сложности для семейной жизни солдата и тяжелые условия для совместного проживания, отсутствие средств приводили к тому, что большинство женщин-солдаток оставалось на прежнем месте жительства. Не случайно, если жена не поехала за мужем сразу после призыва, то при ее вызове потом воинское начальство предварительно рассматривало экономическое состояние семьи солдата и могло запретить приезд солдатки. В воспоминаниях русских офицеров также упоминается о том, что женатыми в частях были именно унтер-офицеры, которые уже могли содержать своих жен и детей [14].

Женщине-солдатке приходилось нередко скрывать рождение не только незаконных, но и вполне законных детей. Прежде всего, жены солдат стремились скрыть рождение мальчиков, которым была уготована участь отцов – неизбежный призыв на военную службу. Примечательно, что даже будучи беременной в период призыва мужа в рекруты, женщина лишалась естественного права на своего ребенка, т. к. если он рождался мужского пола, то автоматически считался принадлежащим военному ведомству. К солдатскому сословию российское законодательство причисляло и всех незаконнорожденных детей, произведенных на свет рекрутскими женами, солдатками, солдатскими вдовами и их дочерьми и даже внучками [15, с. 4]. Таким образом, военное министерство стремилось обеспечить себя дополнительными солдатами, ибо все солдатские сыновья (кантоницы) подлежали обязательному призыву в армию.

Категория солдатских детей выделилась впервые в 1719 г., когда был введен подушный налог, но сыновья всех нижних военных чинов не были включены в подушный оклад. Именно эти дети солдат и являлись предте-

чей института военных кантонистов. Позже стали выходить другие указы по определению правовой ниши солдатских детей в социальной структуре общества и «обращения их на пользу государству». В 1721 г. Петр I приказал организовать в полках гарнизонные школы для сыновей солдат. В 1758 г. императрица Елизавета Петровна подписала указ о закреплении солдатских детей, по которому все дети нижних чинов причислялись к военному ведомству и распределялись в гарнизонные школы. При Павле I школы были переименованы в военно-сиротские отделения. Александр I включил в разряд кантонистов и всех «незаконнорожденных солдатскими вдовами, женами и девками сыновей» [16].

Нередко солдатские дети оставались сиротами после гибели их отцов в сражениях. Некоторые из них добровольно поступали в кантонисты, т. к. это давало им кров и пищу, а также перспективу военного образования и дальнейшей службы в армии. Для многих детей-сирот из семей солдат это была едва ли не единственная возможность устроить свое будущее и получить средства к существованию [17, с. 352]. По достижении кантонистами 18–20-летнего возраста они назначались в войска писарями, фельдшерами, музыкантами и т. п., часто становились унтер-офицерами, и русская армия была обязана кантонистам появлением грамотных и профессиональных солдат. Для многих воинских частей именно солдатские дети составляли профессиональный костяк, являясь наиболее подготовленными военными служащими, которые, понимая, что для них нет иного пути, кроме военной службы, старались досконально освоить военное дело и продвинуться в чинах. Многие командиры частей охотно принимали на службу солдат из кантонистов, признавая их дисциплинированность и служебное рвение.

Конечно, само правительство понимало, что призыв отца на службу лишал детей возможности материальной поддержки, а кантонистов называл «сиротами при живых родителях». Одним из проявлений «заботы» военного ведомства о таких детях солдат являлось их направление в военно-сиротские отделения. В 1824 г. граф А.А. Аракчеев, заведовавший военно-сиротскими отделениями, отмечал, что семилетние мальчики, высылаемые в военно-сиротские заведения «в таком малом возрасте, который требует еще женского присмотра, ...разлучась с родителями или их воспитателями, тоскуют по ним

и, будучи принуждаемы к учению, впадают в болезни, наполняют госпитали и распространяют смертность, особенно в сем возрасте замеченную» [18, с. 202]. В результате возраст приема детей в военно-сиротские заведения увеличили с 7 до 10 лет.

При Николае I было решено сократить расходы на содержание кантонистов в военно-сиротских заведениях. С 1828 г. солдатских детей разрешено оставлять при родителях до «возмужания». Так, дети, чьи родители проживали в селах и деревнях, могли оставаться в семьях до 18-летнего возраста; солдатские дети, проживавшие в городах, оставались при родителях до 16 лет, а находившиеся при своих отцах, служивших в армии, — до 14 лет. Затем все кантонисты должны были направляться в те батальоны, к которым были приписаны. Все солдатские дети получали продовольственный паек до 7 лет. В дальнейшем никакого содержания им не полагалось. Исключение составляли лишь дети, чьи отцы служили в армии: отпуск им казенного содержания продолжался до момента их отправки в батальоны. С 1835 г. Николай I разрешил родителям содержать своих детей до 20 лет, после чего они поступали на службу.

Численность кантонистов росла очень быстро, и если в начале XIX в. количество воспитанников военно-сиротских отделений составляло 15 тыс., то уже в 1816 г. общая численность солдатских детей приближалась к 60 тыс. К моменту ликвидации разряда кантонистов в 1856 г. их насчитывалось 378 тыс. человек.

Военное «закабаление» солдатских детей вполне отражало доминирующую тенденцию крепостнической России: все податные сословия должны были принадлежать либо государству, либо помещикам, либо армии. В данном случае «военное закрепощение» распространялось на всех членов солдатских семей, практически лишая их возможности как-то изменить свой статус или выбрать иную стратегию выживания и социального поведения. Если солдатская дочь, выходя замуж, уходила из родительского дома, то мальчик-кантонист обрекался на пожизненную «женитьбу» с военной службой, оставляя родителей без опеки и поддержки [19, с. 79].

Николай I, будучи достаточно хорошо информирован о реальном положении солдатских семей и отсутствии эффективной поддержки у членов семей отставных солдат,

солдат-инвалидов, вдов-солдаток, законодательно закрепил за ними право оставлять одного сына для призрения в старости и материального обеспечения. Таким образом, правительство как бы предоставляло родителям «живую пенсию», оставляя одного из сыновей, но снимая с себя всякую прочую заботу о престарелых и больных представителях военного сословия.

Позаботилось правительство и о судьбе осиротевшей дочери солдата. При отсутствии обоих родителей солдатские дочери направлялись в приказы общественного призрения до 12-летнего возраста либо отдавались на воспитание частным лицам с выплатой сиротского содержания. Девочки могли быть направлены в Московский воспитательный дом или в другие аналогичные сиротские благотворительные учреждения. Впрочем, все дети солдатских детей продолжали числиться за военным ведомством, а все мальчики, рожденные даже у оставленных у родителей кантонистов, тоже становились кантонистами и обязаны были служить в армии.

Правительство стремилось усиливать контроль за солдатским потомством, ужесточая наказания за укрывательство солдатских детей. Так, в 1846 г. вышло специальное постановление военного министерства о важности учета детей, рожденных во вторых браках солдаток [20, с. 320]. Для родителей или воспитателей мальчиков-кантонистов за укрывательство были предусмотрены денежные штрафы и телесные наказания, а для чиновников, допустивших это, – отрешение от должности.

В 1856 г. кантонистов распустили по домам. Но это долгожданное «освобождение» обернулось для многих из них лишением источника пропитания и крова. Правительство рассчитывало, что «маленькие воины» сразу после освобождения от службы попадут в объятия своих родственников, которые и снабдят кантонистов всем необходимым для дальнейшей жизни. Но у некоторых детей не было родных, и им приходилось идти буквально по миру, очутившись за дверями казармы. Такие солдатские дети нанимались в услужение, попадали на фабрики, но многие вливались в ряды бродяг и преступников. Родственные связи многих бывших кантонистов были утрачены, а они превратились в маргиналов, которые не имели прочных социальных и семейных связей. «Повезло» лишь тем кантонистам, кто по возрасту уже

был годен к военной службе, и тогда они, как правило, делали выгодную карьеру, зачисляясь охотниками в солдаты вместо кого-то из богатых лиц. Многие купцы и зажиточные крестьяне готовы были платить по 500 руб. и более за такую замену. Бывшим же кантонистам военная служба была уже хорошо знакома, а наиболее старательные из них успешно сдавали офицерский экзамен и становились офицерами.

Изучение влияния «военного фактора» на повседневную жизнь солдатских детей в XVIII–XIX вв. позволило выявить реальную нагрузку и воздействие армии и войн на социально-правовое положение, семейно-брачные отношения, настроения российского социума. Многочисленные войны, которые вела Россия, а также военно-мобилизационный характер развития российской государственности находил свое отражение не только при рекрутской и постоянной повинности, изъятии ресурсов для нужд армии, но и в формировании особого военного сословия, в которое вовлекались не только сами военнослужащие, но и члены их семей, в т. ч. и дети.

Проведенное исследование выявило эволюцию законодательства и стратификации военного сословия в условиях традиционного российского общества, а также особенности самоидентификации и социальной адаптации, поведения и моделей выживания его представителей: кантонистов, солдаток и солдатских девок.

В дореформенный период (1700–1856) все потомство солдатских семей (солдатские сыновья – кантонисты, дочери солдат – солдатские девки, а также их дети) находилось под неусыпным контролем правительства, которое видело в них источник пополнения рядов армии. Военное министерство было согласено даже на совместное проживание жены солдата вместе с ним в расположении части, выплачивало членам солдатских семей квартирное и пищевое довольствие, но эта «забота» объяснялась необходимостью жесткого контроля над сыновьями солдат, служба в армии которых была обязательной и неизбежной. В то же время экономические трудности и наличие детей, рожденных до призыва мужа в рекруты, способствовали тому, что абсолютное большинство (около 80 %) солдаток оставались на прежнем месте жительства и были лишены социальной мобильности и выбора собственной стратегии выживания.

Важной особенностью правового и демографического положения солдатских семей являлось то обстоятельство, что если у невоенных сословий будущее ребенка зависело от социального положения его отца, то в солдатских семьях к военному сословию относились и еще нерожденные дети, а также все потомство не только от солдатских жен, но и от солдатских дочерей и внучек, даже если они были прижиты незаконно. Для государства определяющим являлись не законность или незаконность рождения ребенка в семье солдата, а его безусловная принадлежность к военному сословию и последующая служба в армии. Военное «закабаление» солдатских детей вполне отражало доминирующую тенденцию крепостнической России: все податные сословия должны были принадлежать либо государству, либо помещикам, либо армии. В данном случае «военное закрепощение» распространялось на всех членов солдатских семей, практически лишая их возможности как-то изменить свой статус или выбрать иную стратегию выживания и социального поведения.

В результате проведенного изучения семейной жизни русских солдаток стала очевидна тенденция незаконных браков и преобладающего рождения солдатскими женами незаконных детей. Эта незаконность рождения мальчика-кантониста обрекала его на неизбежную службу в армии. Матери-солдатки демонстрировали удивительную изобретательность для спасения детей от призыва, скрывали факт рождения, предавали младенцев на воспитание родственникам и знакомым, в сиротские заведения, надеясь потом усыновить их как подкидышей. За незаконное потомство солдатских жен активно боролись и помещики, причисляя их к своим крепостным крестьянам.

В первой половине XIX в. солдатке приходилось нередко скрывать рождение не только незаконных, но и вполне законных детей. Наиболее выпукло проявлялась тенденция укрывания мальчиков-кантонистов, которым была уготована участь отцов – неизбежный призыв на военную службу. Кроме того, к военному сословию российское законодательство относило и всех незаконнорожденных детей, произведенных на свет рекрутскими женами, солдатками, солдатскими вдовами и их дочерьми и даже внучками. Стремление властей контролировать рождаемость и «прикреплять» детей солдаток к военному

ведомству отражало феодальные пережитки развития сословной структуры российского общества и мобилизационный характер развития российской государственности.

1. Федоров Д.В. Игрушечная армия. Из быта южнорусских кантонистов // Исторический вестник. 1899. № 10. С. 150-179.
2. Ячменихин В.К. Институт военных кантонистов в структуре русской армии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2000. № 1.
3. Kimerling (Wirtschaftler). Soldiers Children, 1719–1856: A study of social engineering in imperial Russia // Forschungen zur osteuropaische Geschichte. 1982. № 30. P. 61-136.
4. David L. Ransel. Mother of Misery: Child Abandonment in Russia. Princeton, 1988. P. 21-22.
5. Farnsworth B. The Soldatka: Folklore and Court Record // Sr. 49. 1990. P. 58-73.
6. Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002.
7. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в.: монография. Saarbrücken, 2010.
8. Протокол заседания Тамбовского губернского статистического комитета. 22 мая 1867 г. Тамбов, 1867.
9. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издаваемое по высочайшему повелению при 1-ом отделении Департамента Генерального Штаба. Т. 4. Ч. 5. Орловская губерния. Спб., 1853.
10. Брандт П. Женатые нижние чины // Военный сборник. 1960. № 12.
11. Рабинович М.А. Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 231-232.
12. Быт русской армии XVIII – начала XX века / авт.-сост. С.В. Карпущенко. М., 1999.
13. Михайлов М.М. Военные законы. Спб., 1861.
14. Эвальд А. Повесть о том, как я командовал ротой // Отечественные записки. 1862. № 3.
15. Свод постановлений о солдатских детях и по другим предметам. Спб., 1848.
16. Emanuel Frisfich, Kantonisty. Tel Aviv, 1983.
17. Никитин В. Многострадальные. Очерки быта кантонистов // Отечественные записки. 1871. № 8.
18. Столетие военного министерства. 1802–1902. Ч. 1. Кн. 1. Отдел II. Спб., 1902.
19. Щербинин П.П. Жизнь российской солдатки в XVIII–XIX веках // Вопросы истории. 2005. № 1.

20. Сборник циркуляров и инструкций МВД. Спб., 1854. Т. 1.
-
1. *Fedorov D.V.* Igrushechnaya armiya. Iz byta yuzhnorusskikh kantonistov // Istoricheskiy vestnik. 1899. № 10. S. 150-179.
 2. *Yachmenikhin V.K.* Institut voennykh kantonistov v strukture russkoy armii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya. 2000. № 1.
 3. Kimerling (Wirtschaftler). Soldiers Children, 1719–1856: A study of social engineering in imperial Russia // Forschungen zur osteuro-paische Geschichte. 1982. № 30. P. 61-136.
 4. *David L. Ransel.* Mother of Misery: Child Abandonment in Russia. Princeton, 1988. P. 21-22.
 5. *Farnsworth B.* The Soldatka: Folklore and Court Record // Sr. 49. 1990. P. 58-73.
 6. *Senyavskaya E.S.* Voенно-istoricheskaya antropologiya kak novaya otrasl' istoricheskoy nauki // Voенно-istoricheskaya antropologiya. Predmet, zadachi, perspektivy razvitiya. M., 2002.
 7. *Shcherbinin P.P.* Voенный фактор v povsednevnoy zhizni russkoy zhenshchiny v XVIII – nachale XX v.: monografiya. Saarbrücken, 2010.
 8. Protokol zasedaniya Tambovskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta. 22 maya 1867 g. Tambov, 1867.
 9. Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossiyskoy imperii. Izdavaemoe po vysochayshemu poveleniyu pri 1-om otdelenii Departamenta General'nogo Shtaba. T. 4. Ch. 5. Orlovskaya guberniya. Spb., 1853.
 10. *Brandt P.* Zhenatyie nizhnie chiny // Voенный сборник. 1960. № 12.
 11. *Rabinovich M.A.* Formirovanie regulyarnoy russkoy armii nakanune Severnoy voyny // Voprosy voенnoy istorii Rossii. XVIII i pervaya polovina XIX vekov. M., 1969. S. 231-232.
 12. Byt russkoy armii XVIII – nachala XX veka / avt.-sost. S.V. Karpushchenko. M., 1999.
 13. *Mikhaylov M.M.* Voенные законы. Spb., 1861.
 14. *Eval'd A.* Povest' o tom, kak ya komandoval rotoy // Otechestvennye zapiski. 1862. № 3.
 15. Svod postanovleniy o soldatskikh detyakh i po drugim predmetam. Spb., 1848.
 16. Emanuel Frisfich, Kantonisty. Tel Aviv, 1983.
 17. *Nikitin V.* Mnogostradal'nye. Ocherki byta kantonistov // Otechestvennye zapiski. 1871. № 8.
 18. Stoletie voенного ministerstva. 1802–1902. Ch. 1. Kn. 1. Otdel II. Spb., 1902.
 19. *Shcherbinin P.P.* Zhizn' rossiyskoy soldatki v XVIII–XIX vekakh // Voprosy istorii. 2005. № 1.
 20. Sbornik tsirkulyarov i instruksiy MVD. Spb., 1854. Т. 1.

Поступила в редакцию 11.06.2014 г.

UDC 34 (091)

Social, legal and everyday household status of soldiers children in 18–19th centuries

Pavel Petrovich SHCHERBININ, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of History, Professor, Head of UNESCO for Human Rights and Democracy Department, e-mail: shcherbinin2010@gmail.com

The study of actual scientific problems – social and legal status and everyday life separate category of representatives of the military class – soldier's children – is studied. The legal aspects of the regulation and registration of children in families of soldiers, the possibility of their upbringing and education, and social adaptation in the conditions existence conscription is given.

Historiographical problems identified studying the phenomenon of the institute of military cantonments as well as gender aspects of the situation of these children in the family during his service in the army or fathers retired.

Materials research allowed to reveal the peculiarities of relations of military and civilian communities, as well as the conflict between the government and society, the individual and the state, burdened with “military factor”.

Conclusions about the role of the military in the development of educational and training practices of children in the imperial period of national history are made. Updated housing sources declared subject.

The study revealed the evolution of the law and the military class stratification in the face of traditional Russian society, and especially the self-identity and social adaptation, behavior and survival models of its representatives: cantonments, soldiers 'and Soldiers' girls.

Key words: soldiers' children; cantonments; military class; daily life; law status; Russian army.